

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ
+ ЛИШЬ ОДНА НОЧЬ

Гейл Форман

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ
+ ЛИШЬ ОДНА НОЧЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф 79

Gayle Forman
JUST ONE DAY
JUST ONE NIGHT

Copyright © 2013 by Gayle Forman, Inc.
Copyright © 2014 by Gayle Forman

Фото автора © Dennis Kleiman

Перевод с английского Ю. Федоровой («Всего один день»),
И. Рапопорта («Лишь одна ночь»)

Художественное оформление серии С. Власова

Форман, Гейл.

Ф 79 Всего один день. Лишь одна ночь / Гейл Форман;
[пер. с англ. Ю. Федоровой, И. Рапопорта]. — Мо-
сква : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Остаться,
чтобы любить).

Впервые под одной обложкой сразу два произведения талан-
тливой и любимой читателями Гейл Форман – долгожданная
новинка «Лишь одна ночь» и мировой бестселлер «Всего один
день».

Путешествия никогда не привлекали Эллисон. Но все ког-
да-нибудь меняется, и вот она уже собирает чемоданы и от-
правляется в Лондон – город, в котором ей предстоит встрети-
ть свою любовь. Уиллем поражает Эллисон своей добротой
и упорством. Он мечтает стать профессиональным актером и
играть в пьесах Шекспира. Пара проводит захватывающий и
полный приключений день в Лондоне, пока однажды утром
Уиллем бесследно не исчезает. Исчезает, чтобы снова вернуться.
Вот только сколько влюбленным суждено будет провести
вместе: день, месяц, год или... всего одну ночь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ю. Федорова, перевод на русский
язык, 2017

© И. Рапопорт, перевод на русский
язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94167-4

Всего один день

*Тамаре, моей сестре, попутчице и подруге —
которая, кстати, один раз отправилась
в путешествие и в результате
вышла замуж за своего голландца.*

Мир — театр;
В нем женщины, мужчины, все — актеры;
У каждого есть вход и выход свой,
И человек один и тот же роли
Различные играет в пьесе...

*Уильям Шекспир,
«Как вам это понравится»¹*

---

¹ Пер. П. Вейнберга.

Часть первая

ОДИН ДЕНЬ

Один

Август

Стратфорд-на-Эйвоне, Англия

А что, если Шекспир был не прав?

«Быть или не быть: вот в чем вопрос». Это слова из известнейшего монолога Гамлета — а может, и самого Шекспира. В позапрошлом году мне пришлось выучить его наизусть, до сих пор помню все слово в слово. Тогда, правда, я особо не задумывалась над его смыслом. Мне было важно лишь поточнее вызубрить текст и получить пятерку. Но что, если Шекспир — ну и Гамлет тоже — задавали себе не тот вопрос? Что, если на самом деле важно решить не *быть* ли вообще, а *как* быть?

Я уж и не знаю, задала ли бы я себе этот вопрос — *как* быть? — если бы не *Гамлет*. Может, я бы так и осталась той же Эллисон Хили, которой была и раньше. Делала бы только то, что должна делать, то есть, в моем случае, пошла бы на «Гамлета».

— Боже, какое пекло. Я думала, в Англии не бывает такой жары. — Мелани, моя подруга, собирает в узел свои светлые локоны и обмахивает вспотевшую шею. — А пускать когда начнут?

Я смотрю на мисс Фоули, которую Мелани, да и почти вся остальная группа, за спиной зовут «наша бесстрашная предводительница». Но она разговаривает с Тоддом, который учится в колледже на историческом и официально является нашим вторым руководителем в этой поездке; она, наверное, отчитывает его за что-то. В брошюре с названием «Молодежные туры! Культурная фантазмагория», которую родители вручили мне два месяца назад на выпускной, старшекурсников вроде Тодда называли консультантами-историковедами, которые должны были обеспечивать «образовательную ценность» этих самых «Молодежных туров». Но пока Тодд обеспечивает нам лишь регулярное похмелье, поскольку почти каждый вечер выводит всех куда-нибудь выпить. Я уверена, что сегодня все будут отрываться с усиленной мощью. Ведь это наша последняя остановка — в Стратфорте-на-Эйвоне, городе, дышащем «Культурой»! Под ней, похоже, подразумевается безмерное количество пабов, названных в честь Шекспира, куда ходит молодежь в ослепительно белых кедах.

На мисс Фоули сегодня тоже белоснежные кеды, тщательно отутюженные синие джинсы и футболка с лого «Молодежных туров». Иногда, по ночам, когда все уходит гулять по городу, она брюзжит, что нужно бы донести на него начальству. Но, видимо, так ни разу этого и не сделала. Думаю, отчасти из-за того, что, когда его отчитывают, Тодд начинает заигрывать. Даже с мисс Фоули. Особенно с мисс Фоули.

Всего один день

— Вроде бы начало в семь, — отвечаю я Мелани. Смотрю на часы, еще один подарок, полученный на выпускной: они полностью золотые с гравировкой «В путь». Я ощущаю их тяжесть на потном запястье. — А сейчас половина.

— Да уж, любят же бриташки в очередь выстроиться, как на парад. Или как там говорят. Поучились бы у итальянцев и собирались бы толпой. Или лучше бы итальянцы поучились у бриташек. — Мелани одергивает свою мини-юбку — юбку-пояс, как она сама ее называет, — и поправляет обтягивающий топик. — Бог мой, Рим. Как будто уже год прошел с тех пор.

Рим, когда это действительно было? Шесть дней назад? Или шестнадцать? Воспоминания о Европе остались расплывчатые: аэропорты, автобусы, старинные дома, меню «все по одной цене» с курятиной под разнообразными соусами. Когда родители осчастливили меня на выпускной таким грандиозным подарком, ехать мне как-то не особо хотелось. Но мама заверила меня, что навела справки. О «Молодежных турах» были очень хорошие отзывы, в особенности по поводу их качественной образовательной составляющей и того, сколько внимания уделяется ученикам. Я буду под присмотром. «Одну тебя ни на минуту не оставят», — пообещали родители. И, естественно, Мелани тоже ехала со мной.

И они оказались правы. Да, мисс Фоули все клянут на чем свет стоит, поскольку она не сводит с нас своего недремлющего ока, но я благодарна ей за то, что она всегда нас пересчитывает. Рада даже,

Тейл Форман

что она не приветствует ночные вылазки в бары, хотя почти всем нам по европейским законам уже можно употреблять алкоголь. Впрочем, никто тут об этом, похоже, особо не беспокоится.

Я по барам не хожу. Обычно вместо этого я возвращаюсь в наш с Мелани номер в отеле и смотрю телик. Почти всегда можно найти какой-нибудь американский фильм из тех, что мы смотрели вместе по выходным дома, купив заранее побольше попкорна.

— Я тут зажарюсь, — стонет Мелани. — Все еще как в полдень.

Я смотрю на небо. Палит солнце, летят облака. Мне нравится, что они несутся быстро и ничто не преграждает им путь. По небу видно, что Англия находится на острове.

— Зато хоть не ливень, как в день нашего приезда.

— У тебя нет резинки? — спрашивает Мелани. — Да наверняка нет. Не сомневаюсь, ты теперь в восторге от своей прически.

Моя рука невольно тянется к шее — я до сих пор не привыкну к тому, что она так открыта. Первым городом в программе тура был Лондон, на второй день после обеда нам выделили несколько часов на шопинг (полагаю, это тоже считается культурным мероприятием). И Мелани убедила меня отрезать волосы. Это было частью ее плана по «обновлению» перед колледжем, которым она поделилась со мной в самолете: «Там никто не будет знать, что мы прошли все углубленные курсы. Мы ведь такие красотки, никто и не подумает, что мы с тобой

Всего один день

отличницы, к тому же в колледже все ребята будут умные. А мы с тобой — *и* умные, *и* классные. Эти понятия перестанут быть взаимоисключающими».

По всей видимости, для Мелани это обновление заключалось в том, чтобы заменить весь свой гардероб на сплошное мини, ради чего она истратила половину выданных ей в поездку денег в «Топшопе», а также сократить свое имя до «Мел» — о чем я все время забываю, сколько бы она ни пинала меня под столом. Мое же обновление, наверное, подразумевало ту стрижку, на которую она меня уговорила.

Увидев свое отражение, я просто офигела. Сколько я себя помню, у меня всегда были длинные черные волосы без челки, а из зеркала в парикмахерской на меня посмотрела девушка, абсолютно на меня непохожая. Шел всего второй день нашего путешествия, а у меня уже сосало под ложечкой от тоски по дому. Я мечтала оказаться у себя в комнате, в знакомых стенах цвета персика, в окружении своей коллекции винтажных будильников. Я вообще никак не понимала, как же я уеду в колледж, если даже эта поездка казалась мне столь непереносимой.

Но я привыкла к новой стрижке и почти перестала скучать по дому, а если и не перестала окончательно, то поездка все равно подходит к концу. Завтра почти все сядут в автобус до аэропорта, и самолет унесет их домой. А мы с Мелани поедem на поезде в Лондон, поживем еще три дня у ее кузины. Она собирается еще раз сходить в тот же салон, где стригли меня, и попросить сделать ей розовую прядку, а еще мы планируем сходить на «Пусть

будет так» в Уэст-Энде. А в воскресенье полетим обратно и вскоре разведемся, чтобы продолжить учебу в колледже — я неподалеку от Бостона, а Мелани в Нью-Йорке.

— Освободите Шекспира!

Я поднимаю глаза. Группа из двенадцати человек ходит вдоль очереди, раздавая неоновые-цветастые флаеры. Сразу видно, что они не американцы — ни на ком нет белых теннисок или шортов с кучей карманов. Они все невозможно высокие и худые и как-то иначе выглядят. Такое ощущение, что даже скелеты у них не такие, как у нас.

— Давайте, — Мелани протягивает руку и принимается обмахиваться флаером, как веером.

— Что там написано? — спрашиваю я, а сама смотрю на этих ребят. Здесь, в полном туристов Стратфорде-на-Эйвоне, они выделяются как огненные маки на зеленом поле.

Посмотрев на флаер, Мелани морщится.

— «Партизан Уилл»?

К нам подходит девчонка с прядками цвета фуксии, о которых так мечтает Мелани.

— Это Шекспир для народа.

Я рассматриваю флаер. «Партизан Уилл. Шекспир без границ. Шекспир освобожденный. Шекспир задаром. Шекспир для всех».

— Шекспир задаром? — читает вслух Мелани.

— Ага, — отвечает девчонка с волосами цвета фуксии. У нее британский акцент. — А не ради капиталистической прибыли. Именно об этом мечтал бы сам Шекспир.

Всего один день

— Думаешь, он не хотел бы продавать билеты на свои пьесы и зарабатывать на них? — Я не умничать пытаюсь, но вспоминается фильм «Влюбленный Шекспир», там он постоянно был в долгах.

Девчонка закатывает глаза, я начинаю чувствовать себя как-то глупо и опускаю взгляд. Меня накрывает тень, загораживая от палящего солнца. И тут я слышу смех. Я поднимаю глаза. Я не вижу толком стоящего передо мной человека, потому что солнце, еще очень яркое, несмотря на то, что уже вечер, освещает его сзади. Зато я хорошо его слышу.

— Думаю, она права, — соглашается он. — Возможно, быть голодающим художником не так-то уж и романтично, если ты действительно голоден.

Я несколько раз моргаю. Когда глаза привыкают к свету, я понимаю, что парень высокий, может, сантиметров на тридцать выше меня, и худой. Волосы всех оттенков светлого, а карие глаза настолько темные, что кажутся почти черными. Мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо, он же наклоняется ко мне.

— Но Шекспир ведь мертв, он в могиле лежит, а не гонорары собирает. А вот мы живые, — он раскидывает руки, словно имеет в виду всю вселенную. — На что идете?

— На «Гамлета», — отвечаю я.

— Ах, на «Гамлета», — у него акцент совсем едва заметен. — Я думаю, что такой вечер на трагедию тратить не стоит. — И смотрит на меня так, будто это был вопрос. А потом улыбается. — Как и не стоит сидеть в четырех стенах. Мы ставим «Двенад-